

- ⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 499.
- ⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 612.
- ⁶ Там же. С. 540, 541, 547.
- ⁷ Там же. С. 550.
- ⁸ Там же. С. 573.
- ⁹ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. С. 440.
- ¹⁰ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 103; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 89.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 578.
- ¹² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт ист. исслед.. М.; СПб., 2007. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 246–247.
- ¹⁴ ДАИ. Т. 1. № 52/I–XIII, XVIII, XIX, XXXVIII, XXXIX.
- ¹⁵ Там же. № 57, 59.
- ¹⁶ Там же. № 47/I.
- ¹⁷ Там же. № 50, 65.
- ¹⁸ Там же. № 52/XXV.
- ¹⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 154; ПКНЗ. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 110.
- ²⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2008. Т. 4. № 214, 299, 400.
- ²¹ ДАИ. Т. 1. № 51/I–XII, XIV, XV, XVII.
- ²² Там же. № 51/XIII, 63.
- ²³ Там же. № 61/I, II.
- ²⁴ Там же. № 49, 51/XIII, 53–56, 58, 60, 64, 74, 94, 104.
- ²⁵ Там же. № 61.
- ²⁶ *Анкудинов И. Ю., Баранов К. В.* Акты Новгородского Духова монастыря 1574–1595 гг. № 5 // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 348.
- ²⁷ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 6–7; *Корецкий В. И.* О земельных владениях Адашевых в XVI в. // Исторический архив. 1962. № 6. С. 124.
- ²⁸ РИБ. СПб., 1898. Т. 17. Стб. 191–192.
- ²⁹ ДАИ. Т. 1. № 96/I.
- ³⁰ ПКНЗ. Т. 2. С. 109.
- ³¹ Свод данных источников об этих событиях см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 371.
- ³² *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей... С. 16.
- ³³ *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 84–85.
- ³⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки полит. истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 187–188.
- ³⁵ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 56.
- ³⁶ Документы Архива Министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела № 1» // *Дунаев Б. И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке: Ист. исслед. с прил. текстов дипломат. сношений России с Турцией в начале XVI ст. по док. Моск. архива М-ва иностр. дел. М., 1916. С. 36, 39–41, 72.
- ³⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 115.
- ³⁸ *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 205.
- ³⁹ Там же. С. 251, 400.
- ⁴⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613. № 7.
- ⁴¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 413.
- ⁴² ДАИ. Т. 1. № 157.
- ⁴³ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 87.

М. В. Мусеев

РУССКО-НОГАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В XVI СТОЛЕТИИ

Русско-ногайские торговые отношения имеют достаточно развитую историографию. Уже начиная с Н. М. Карамзина, история взаимоотношений России и Ногайской Орды рассматривается через призму экономических сюжетов. По мнению многих историков XIX — начала XX в., русско-ногайские связи определялись их экономической составляющей¹. Вместе с тем, сама торговля рассматривалась недостаточно внимательно. Постепенно эти недостатки начали преодолеваются. С. В. Бахрушин отмечал начало русско-ногайской торговли при великом князе Василии III². Более детально эти вопросы рассмотрела М. В. Фехнер. Исследовательница определила содержание ввоза и вывоза Ногайской Орды, установила пути сообщения между Россией и ногаями и пришла к выводу о значительной роли торговли в отношениях России и восточных стран, в частности Ногайской Орды³.

На долгое время наблюдения М. В. Фехнер стали определяющими, но развитие исторической науки потребовало большей детализации русско-ногайской торговли. В результате в 1991 г. появилась работа Д. С. Кидирниязова, посвященная экономическим сюжетам русско-ногайских отношений. Впрочем, данное исследование имеет слишком общий характер и изобилует фактическими ошибками⁴.

В. Д. Назаров, обратившись к русско-ногайской торговле, создал весьма обстоятельный труд, в котором были отражены эти связи в первой половине XVI в. Историк отметил устойчивый характер русско-ногайской торговли, постоянный характер взимания пошлин с ногайских купцов. Общим выводом исследования стало наблюдение о постепенно растущей зависимости Ногайской Орды от русского экспорта⁵.

Не прошел мимо торговых сюжетов и исследователь истории Ногайской Орды В. В. Трепавлов. Он отметил факты освобождения ногаев от пошлин и связал это с политическими соображениями. В целом, оценивая ногайско-русскую торговлю, историк пришел к выводу о том, что она послужила одним из факторов относительно мирного сосуществования России и Ногайской Орды⁶.

Таким образом, русско-ногайские торговые отношения нашли достаточно полное освещение в отечественной историографии. Вместе с тем, часть вопросов оказалась не рассмотрена или рассмотрена частично. Именно поэтому мы взяли на себя смелость вновь обратиться к этой проблематике.

Начало торговли ногаев с Русским государством стоит относить к началу дипломатических отношений между государствами. Уже первое ногайское посольство 1489 г. сопровождали купцы⁷. Однако в конце XV в. торговля между странами не имела устойчивого характера. Поэтому в источниках не отражалось ни ее содержание, ни количественные характеристики.

При Василии III торговые сюжеты прозвучали вполне отчетливо. Русское государство сформулировало принцип свободной торговли: «гости бы ваши в наши земли ходили добровольно безо всякие зацепки»⁸. И Россия, и Ногайская Орда стремились к регулярности торговых контактов⁹. Таким образом, в начале XVI в. обе стороны определенно заявили об интересе в развитии взаимной торговли, который сохранялся вплоть до второй половины XVII в.

Первоначально русско-ногайская торговля была не строго регламентирована, но, начиная с 1530-х гг., степень регламентации возрастает. Это явление связано, скорее всего, с учащением случаев ограблений ногайских купцов, с одной стороны, а с другой — с участием в нападениях на деревни по украинам самих ногайских купцов¹⁰. Как средство минимизирования подобных криминальных случаев правительство Елены Глинской предлагало уменьшить количество приезжавших купцов¹¹. Другим средством обеспечения безопасности стала организация охраняемого торгового пути.

Для этих целей назначались «базарские» воеводы¹². В 1530-х гг. назначение происходило во время прибытия послов и купцов в Москву, позднее эта служба слилась со службой «детей боярских встречальников», т. е. «базарские воеводы» контролировали ногаев в течение всего времени их нахождения в России. Впрочем, это совмещение длилось недолго: уже с мая 1555 г. вернулись к прежней практике. О функциях «базарских воевод» позволяет судить наказ А. В. Плещееву (август 1577 г.). Воевода должен был пресекать любые контакты местного населения с ногаями. На него же возлагался контроль за криминогенной обстановкой на базаре и сыск в случаях преступлений. Он же учитывал проданный товар, в случаях покупки без записи штрафовал покупателей (сумма штрафа составляла 2 руб. с человека), а лошадей, купленных таким способом, забирал «на государя». Именно он следил за тем, чтобы «заповедный товар» продавался в рамках, строго установленных специальным указом. Нарушителей торгового порядка воевода должен был задерживать и препровождать в Посольский приказ, а товар конфисковывать¹³.

Длительное время основным местом русско-ногайского торгового пути оставалась Москва¹⁴, но после присоединения Казанского и Астраханского ханств торговля начала проводиться в Казани и Астрахани¹⁵, причем, традиционных для ногайского купечества.

Место ногайского торгового пути в Москве определить достаточно сложно. Скорее всего, базар размещался там же, где устанавливали самих купцов. Как правило, ногайских купцов ставили либо под Паншиным, либо «на лугу» около Симонова монастыря, временами торговали в Наливках, иногда — в Красном селе¹⁶.

На торге присутствовали специалисты по устному переводу — толмачи. В их обязанности входил сбор и учет пошлин на государя и Троице-Сергиев монастырь¹⁷. Пошлины, взимавшиеся с ногайских купцов, были разнообразными. Их структура представляется в следующем виде. В Москве взималась тамга на царя, в Рязани и Коломне — на коломенского наместника. Если ногаи ехали через Владимир, то сборы взимались на владимирского наместника. При следовании через Касимов тамгу взимали на царя и царевича, а также «на большого князя на Ширинского»¹⁸. Кроме этого, правом сбора пошлин за клеймение ногайских лошадей обладал Троице-Сергиев монастырь¹⁹.

При таком количестве различных пошлин естественно выглядит стремление ногаев избавиться от них. Однако правительство подходило к этому вопросу весьма осмотрительно. Впервые вопрос о возможном снижении пошлин рассматривался великокняжескими представителями в 1534 г., но эта практика не была сколько-нибудь долгой, и вскоре ее прекратили²⁰. Сама эта попытка находилась в

русле мероприятий правительства Елены Глинской, направленных на снижение напряженности в русско-ногайских отношениях. Учитывая, что эта политика имела ограниченный успех, постепенно от нее отказались. Впоследствии к практике снижения пошлин прибегали по политическим соображениям²¹. Так, в 1548 г. Шейх-Мамай-бий добился освобождения собственных купцов от косвенных сборов. Этому же права добился и Исмаил-мирза. В 1554 г. таможенные льготы получил Юнус-мирза б. Юсуф²². Наиболее значительную льготу получил Исмаил-бий в июле 1558 г. Русское правительство по причине голода в Ногайской орде освободило ногаев от взимания «тамги и иных пошлин» на три года²³. С купцов Исмаила пошлины не брались и в 1562 г., а те сборы, что уже были взяты, русское правительство обещало даже вернуть²⁴.

Со стороны ногаев торговлю с русскими вели ордобазарцы — представители привилегированной социальной группы. Они были приближены к бию и мирзам и обслуживали их товарами²⁵. Не редко ордобазарцы выполняли дипломатические поручения и становились доверенными лицами ногайских биев²⁶. Для торговли вне орды ордобазарцы получали у бия ярлык, разрешавший ее, при его отсутствии купцы занимались контрабандой²⁷. Ордобазарцы также занимались поиском и выкупом плененных ногаев²⁸.

Необходимо отметить, что купцы могли купить не все товары. Так, из сферы торговли выводились так называемые «заповедные товары»: оружие, доспехи, некоторые металлические изделия и ряд других²⁹. Однако в отношении послов этот режим значительно смягчался³⁰. Подобное правило приводило к махинациям со стороны ногаев. Так, Д. И. Губин в 1535 г. упоминал, что многих людей в дипломатической миссии ногаев в послы назначил представитель Саид-Ахмед-бия Кудояр. Среди таких назначенцев оказались и ордобазарцы³¹. В 1553 г. в Москве вскрыли факт следующего мошенничества. Некий Карач просил Исмаила отпустить его торговать в Россию, но получил отказ. В итоге он прибыл как посол Исмаила. Его махинации вскрылись благодаря прочтению нишана, в котором оказалось имя Мухаммад-мирзы б. Исмаила. После расспроса русского гонца М. Девлечарова выяснилось, что Исмаил не посылал Карача послом и грамот ему не давал. В результате русское правительство отослало грамоту обратно, потребовало от Исмаила разобраться в ситуации и наказать виновного, а также сконцентрировать заверение грамот у Исмаила³².

Торговые караваны ногаев всегда сопровождали ногайских послов. Пути их следования достаточно полно изучены нашими предшественниками. Основные направления были следующими: Самара — Казань — Нижний Новгород — Владимир — Москва или Переволока — вдоль Дона — устье Воронежа — Ряжск — Рязань — Москва. Первая дорога (так называемая «казанская») являлась основной³³.

Однако стоит указать на существовавшие в XVI в. иные варианты этих путей. Так, ногайские посольства, торговые караваны да и военные отряды шли в основном через Мещеру или Рязанщину. Часто первым пунктом их прибытия становились Касимов³⁴ и Темников³⁵. Встречался и более древний³⁶ путь в Москву через Казань на Муром³⁷. Можно сказать, что ногаи тяготели, в основном, к движению через Мещеру, но после 1556 г. возвращались назад часто водным путем через Нижний Новгород и Казань на Астрахань³⁸.

Основной статьей экспорта из Ногайской Орды являлись кони. Особое значение поставки ногайских лошадей приобрели после 1515 г., когда Мухаммед-Гирей-хан переориентировал крымских конепродавцев на турецкий рынок³⁹. Литовский автор М. Литвин придавал русско-ногайской торговле военно-стратегическое значение⁴⁰. По мнению ряда исследователей, именно на базе ногайских лошадей происходило становление русской кавалерии⁴¹. Это суждение подтверждается и сообщениями источников, согласно которым покупка ногайских коней разрешалась исключительно служилым людям⁴².

Стоили ногайские лошади сравнительно дешево. По подсчетам В. Д. Назарова, их минимальная стоимость составляла 1,5–2 руб.⁴³ По данным Н. И. Костомарова, за украденного коня при Иване Грозном взимали 5 руб., за кобылу — 3 руб. (за русскую — 6 руб.), а за жеребенка — 2 руб. Правда, отдельные отборные аргамаки и кобылы могли стоить 20 руб.⁴⁴ На ценовую политику ногайских купцов влияли природные условия во время их доставки в Россию. Так, в 1539 г. лошади были дешевы вследствие раннего выпадения снега, что привело к высокой их смертности из-за «безъкормия»⁴⁵.

Русское правительство имело право отобрать для царских конюшен лошадей до начала торга. Так, в 1551 г. царь приказал ясельничим сначала отобрать на себя коней, а после этой операции разрешил начать торговлю. На «государево имя» отбирались иноходцы и «лутчие кони»⁴⁶.

Поставки лошадей из Ногайской Орды были весьма значительны. Например, за период до 1563 г. ногаи пригнали в Россию 319465 лошадей. Однако динамика лошадиной торговли носила регрессивный характер, что было связано с хозяйственной разрухой орды, вызванной долгой ногайской

смуты середины XVI в. Послания правителя орды Исмаила рисуют картину крайнего обнищания кочевников⁴⁷. На сокращение поголовья коней в Ногайской Орде влияли также нападения на ногайские кочевья и угоны лошадей⁴⁸. Угон лошадей Исмаил расценивал как удар по своей обороноспособности⁴⁹.

Самые крупные поставки пришлись на 1555 г., когда ногаи привели на рынки Москвы и Казани 40000 коней⁵⁰. Затем количество коней, пригоняемых на продажу, снижается⁵¹. Наиболее значительные поставки после 1555 г. составили 7000 лошадей в ноябре 1556 г.⁵², 2000 — в июле 1557 г.⁵³, 5000 — в июне 1561 г.⁵⁴. Остальные поставки не достигали даже 1000 голов.

Кроме коней ногаи поставляли на русские рынки овец. Однако информация об этом скудна и ограничивается сообщением о пригоне на продажу 24300 овец в 1555 г., причем большая часть (20300) была продана в Казани⁵⁵. Продавали они и продукты скотоводства и ремесла. Среди них упоминаются войлок, «кожи телятинные», топленное сливочное масло, звериные шкуры. Особой известностью пользовались ногайские тулупы⁵⁶.

Еще одной статьёй русско-ногайской торговли во время Ливонской войны стала продажа пленных, однако точных данных о количестве и составе ливонских пленников в посольских книгах не содержится. Хотя другие источники позволяют считать, что торговля ливонцами имела весьма бойкий характер⁵⁷. В 1561 г. упоминается просьба Исмаил-бия разрешить его представителю Бекчуре купить своим женам по «девке немецкой», а для себя бий хотел приобрести двух полонянок⁵⁸. В 1577 г. Дин-Ахмад-бий просил разрешение на покупку 30 полоняников⁵⁹.

В целом работорговля с ногаями находилась под контролем русского правительства. Главной задачей подобного контроля было пресечение продажи под видом «немцев» русских людей. В виду того что в войне принимали участие касимовские татары в это время для ногаев открылось дополнительное место торга полоном — Касимов. Впрочем, торг здесь был весьма ограничен. В Касимове разрешалось торговать только послам в числе не более 6 чел. в сопровождении толмача и сына боярского⁶⁰. В целом, изучение судеб «ливонского полона» в орде требует специального изучения.

Подытоживая наши наблюдения можно сказать следующее. Русско-ногайская торговля имела весьма существенный характер для обоих государств. Об этом свидетельствует заинтересованность русского правительства в стимулировании ногайских мирз отсылать торговые караваны в Москву, а также усилия по восстановлению торговли в завоеванных областях⁶¹. Однако тенденция ее развития оказалась регрессивной, что объясняется междоусобицей и «хозяйственной катастрофой» в Ногайской Орде в середине XVI столетия.

Таким образом, торговля в русско-ногайских отношениях занимала важное место, но преувеличивать ее роль нельзя. Для Русского государства, несмотря на его высокую заинтересованность в ногайском конском экспорте, она была дополнительным инструментом политического воздействия на ногаев ради сохранения их союзных отношений или нейтралитета.

Примечания

¹ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2, т. 4. Стб. 118–119; Соловьев С. М. Соч. М., 1989. Кн. 3, т. 6. С. 466; Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 379, 389.

² Бахрушин С. В. Москва в период укрепления Русского централизованного государства XVI века // История Москвы. М., 1952. Т. 1: Период феодализма, XII–XVII вв. С. 171.

³ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд., доп. М., 1956. С. 6, 7, 18–19, 48, 53, 54, 55, 56, 57, 61, 64, 65, 97, 98.

⁴ Кидирнязов Д. С. Из истории торговых отношений ногайцев с Россией (XVI–XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Темат. сб. Махачкала, 1991. С. 58.

⁵ Назаров В. Д. Российско-ногайская торговля (первая половина XVI века) // Восток. 1998. № 1. С. 48–64.

⁶ Трепавлов В. В. 1) Кочевники на русских рынках: Ногайская торговля в XVI–XVII вв. // ОИ. 2000. № 3. С. 165–177; 2) История Ногайской Орды. М., 2001. С. 522–539.

⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 81.

⁸ ПКСРНО. С. 65.

⁹ Там же. С. 80; Назаров В. Д. Российско-ногайская торговля... С. 49.

¹⁰ ПКСРНО. С. 102, 113.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 113; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 49, 101 об., 110, 122, 139 об.–140, 166 об., 172 об., 182 об.–183, 256 об., 374 и др. Первоначально служба не была разрядной. С 1561 г. она приобретает этот статус и даже используется в местнических спорах, но в «Государевом разряде» не фиксируется. См.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 121.

¹³ Там же. Кн. 8. Л. 27 об.–29 об.

¹⁴ Назаров В. Д. Российско-ногайская торговля... С. 51.

- ¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 350 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 5 об., 49, 59 об., 65 об, 72 об. и др.
- ¹⁷ Там же. Кн. 8. Л. 30 об.
- ¹⁸ Там же. Кн. 6. Л. 185 об.–186.
- ¹⁹ См.: *Капитанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 140. № 676, 677.
- ²⁰ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ²¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 532–533. Ср.: *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ²² ПКСРНО. С. 252, 290; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231, 231 об.
- ²³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 178. Данная жалованная грамота дошла до нас еще в копии XIX в., но она неверно датирована (см.: Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 1).
- ²⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 6. Л. 116 об.–117.
- ²⁵ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 524.
- ²⁶ ПКСРНО. С. 183, 184; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 362–362 об.; Там же. Кн. 5. Л. 44 об., 91 об.–92.
- ²⁷ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 523.
- ²⁸ ПКСРНО. С. 162.
- ²⁹ Там же. С. 114; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 126; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 534. Прим. 15.
- ³⁰ ПКСРНО. С. 114; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ³¹ ПКСРНО. С. 162.
- ³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 165 об., 176 об.–177 об.
- ³³ *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства... С. 18, 19, 45; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 526.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 27 об., 117 об., 180 об.
- ³⁵ Там же. Кн. 4. Л. 373; Кн. 5. Л. 31, 80, 164 об., 214.
- ³⁶ Сб. РИО. Т. 41. С. 81.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 89 об.
- ³⁸ Там же. Кн. 5. Л. 116.
- ³⁹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 527.
- ⁴⁰ О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. М., 1994. С. 75.
- ⁴¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 528.
- ⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 30.
- ⁴³ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 61.
- ⁴⁴ *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // *Костомаров Н. И.* Земские соборы: Ист. моногр. и исслед. М., 1995. С. 247.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 130.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 5–5 об.; Кн. 8. Л. 31.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 5. Л. 32 об., 43 об., 46 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 7 об., 37 об.; Кн. 6. Л. 4 об.–5, 8, 9, 10 об., 11, 14 об., 43 об.–44.
- ⁴⁹ Там же. Кн. 6. Л. 56 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 300, 350 об.
- ⁵¹ Там же. Кн. 4. Л. 359, 373; Кн. 5. Л. 27 об., 41 об., 45 об., 80 об., 117 об., 123, 181; Кн. 6. Л. 48, 197 об.
- ⁵² Там же. Кн. 4. Л. 373.
- ⁵³ Там же. Кн. 5. Л. 27 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 214 об.
- ⁵⁵ Там же. Кн. 4. Л. 300, 350 об.
- ⁵⁶ См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 529–530.
- ⁵⁷ *Штаден Г.* Записки немца-опричника / Сост. и комм. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 57, 97, 103, 114; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 245, 333, 334, 335, 339, 352.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 7 об.–8.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 8. Л. 44.
- ⁶⁰ См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. С. 19–20; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583 г. Д. 1. Л. 6.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 159, 161 об.–162, 163, 165–165 об.

Я. В. Велуенкамп

ГОЛЛАНДСКАЯ СИСТЕМА ТОРГОВЛИ И РУССКИЙ РЫНОК В 1560–1760 гг.*

Голландская торговля с Россией, зародившаяся в XVI в., достигла расцвета в XVII в. и постепенно пришла в упадок в течение XVIII в. То же самое можно сказать и о голландской внешней торговле в целом. В течение 300 лет между 1500 и 1800 гг. голландская коммерческая система времен «Золотого века» пережила подъем, расцвет и упадок. Голландия достигла первенства в мировой торговле в XVI в.¹ и доминировала в ней в XVII в., поскольку являлась «экономическим лидером Европы»². Голландская коммерческая система может быть определена по-разному, ее функции были многочисленными. Еще в XVIII в. Нидерланды располагали хорошо развитой индустрией, работающей